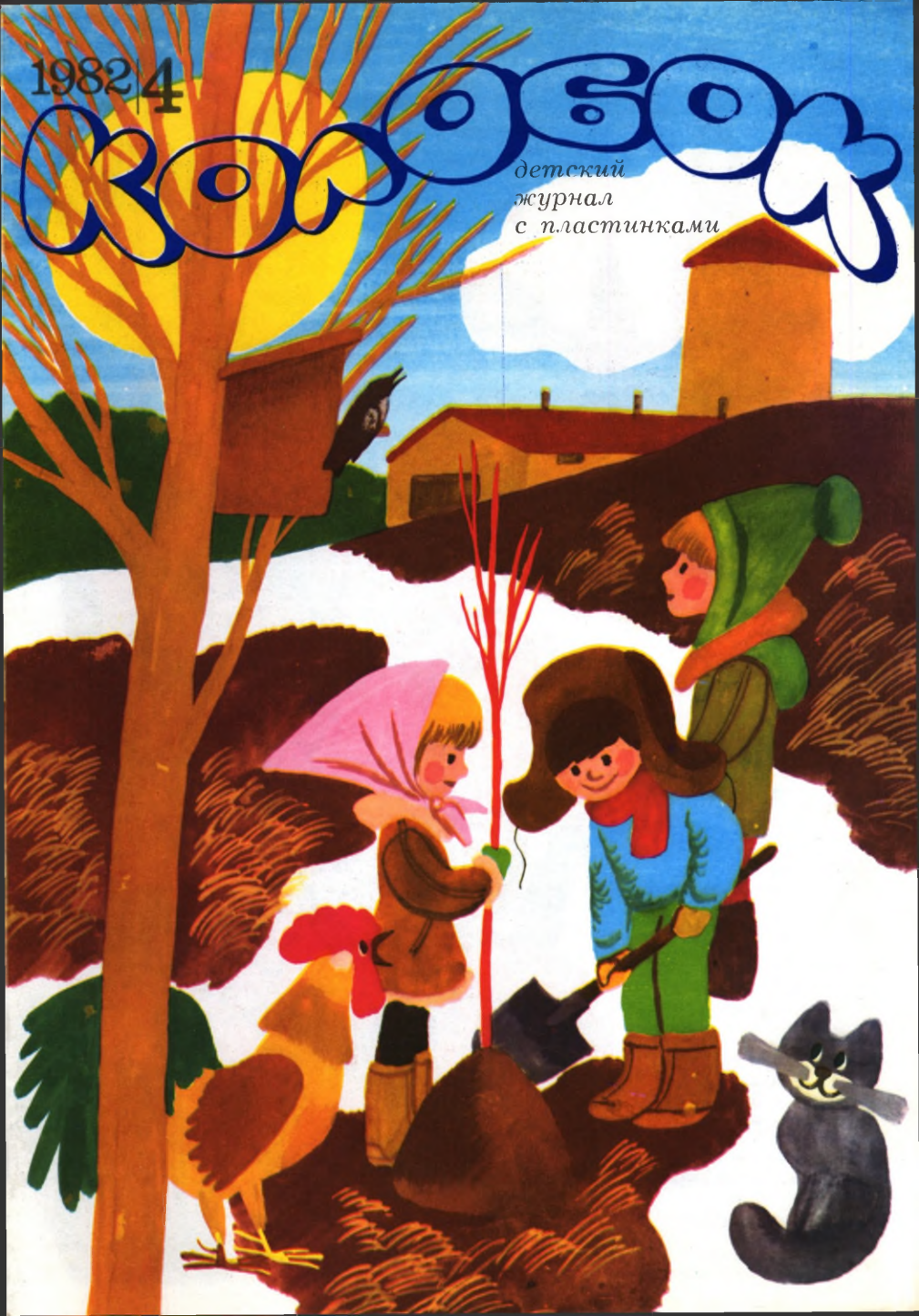

1982 4

Родоскоп

детский
журнал
с пластинками

Сафар БАРНОЕВ

Сто ташкентов ст растут

Собирали мы тюльпаны
Вешним днём, апрельским днём.
Сто живых цветов багряных —
Каждый светится огнём.

Были пять часов в полёте,
«Ил» поднялся в синеву.
Из Ташкента в самолёте
Привезли цветы в Москву.

Прилетели утром рано.
А в руках цветы цвели...
Мы багряные тюльпаны
К Мавзолею принесли.

Был букет красив и ярко.
Сто цветов в руках ребят.
Это Ленину подарок
От внучат, от октября!

Перевёл с узбекского
Раим Фархад

Иллюстрация В. Селиванов

Сегодня...

Сегодня
Мне позвонил
Ручей
И, захлёбываясь,
Прожурчал:

— Ты спишь,
А у нас тут
Полно новостей:
Майский жук
Вчера прилетал.
Дождик прошёл,
И червяки
Вылезли
Из земли.
Выскочили
Строчки и сморчки,
Ландыши расцвели.
Ведёрко,
Которое ты потерял,
У старого ня
Нашлось.
В десять часов —
У бабочек бал,
В двенадцать —
Парад стрекоз.
Скоро по волнам мои
Поплывут
Флотилии кораблей!
Даю на сборы
Десять минут,
Завтракай поскорей.
Я тебя жду,
Жду на лугу.

— Жди меня.
Я бегу!

Григорий КРУЖКОВ

БЫЛА ПЕРВЫЙ

На пластинке прозвучат
три детских песни о весне,
птицах и солнечных
праздничных днях.
Аяторы песен П. Изотов,
М. Парцхаладзе, Ю. Чичков,
П. Синявский, В. Дзенеладзе
и Володя Мошков.

смотри картинку

РАССКАЗЫ О БАМЕ

Вряд ли есть в нашей стране хоть один человек, который бы не слышал про знаменитую Байкало-Амурскую магистраль. Словно живая нитка, движется она среди гор, среди тайги, через быстрые реки, через медленные болота — всё вперёд да вперёд! Бамовцы работают очень хорошо, и об этом знает вся страна.

Вырастают новые посёлки, города. В них рождаются мальчишки и девочки, которые считают магистраль своей родиной.

Про жителей БАМа — взрослых и ребят — новая книга писателя Сергея Иванова. Рассказы из неё мы будем печатать...

Родина его сына

Сперва посёлок получался не сказать что очень уж красивый. Строить приходилось — чтоб было побыстрее, да потеплее, да из чего проще. Люди жили, как на острове. А кругом молчаливо стоял океан тайги. И ждал, что будет дальше.

По единственной дороге, кое-как пробитой среди топей и мёров, возили разборные дома. Грузовики, добравшись до поляны, обжитой людьми, долго неподвижно отдыхали. А с них текла и капала мутная болотная вода, падали жирные куски таёжной глины. Грузовики старались не смотреть друг другу в глаза. Ведь они знали, что скоро надо будет опять идти по той же дороге и потом опять...

А в посёлке из деревянных прямоугольников составляли дома. Работали споро, быстро, со дня на день ожидая холодов.

...Весной мерзлое тесто, взбитое тяжёлыми лапами грузовиков, растекалось в чёрно-красную густую реку — как раз под цвет сибирской глины. Такая вот получилась у посёлка улица...

Люди, забыв про тапочки, про босоножки и сандалии, целое лето напролёт ходили в резиновых сапогах. И всюду за сапогами шлепала красная грязь — в магазин, в детский сад, в квартиру...

Но вот наконец пришло в посёлок несколько усталых тяжёлых машин. Им радовались так, словно они привезли ананасы!

Машины эти привезли асфальт!

Таёжные псы, которые никогда нечего городского не нохали, обижено фыркали и отворачивались.

Всего через день вдоль жидкой улицы легла чистая и твёрдая дорожка — тротуар! Хочешь — в тапочках бегай, хочешь — в классы играй! Как небывалый космический зверь, по таёжному тротуару промчался первый трёхколёсный велосипед. И про него надо бы сочинить отдельную сказку, ведь многие ребята, которые родились в этом посёлке, видели такое чудо первый раз...

Они летали на вертолёте, отлично знали, кто такие белка, бурундук, лиса и соболь. Кое-кто из них видел в тайге самого медведя. А вот до велосипеда дотронуться не приходилось. Такие странные чудеса творятся иной раз в далёких бамовских посёлках.

И только одно было плоховато: когда кто-нибудь хотел побегать по асфальту в новеньких белых тапочках, ему приходилось ждать папу или маму в резиновых сапогах, чтоб переждать жирно-красные озёра и реки и добраться до асфальта.

И обратно домой — тоже приходилось ждать кого-нибудь в резиновых сапогах... Так прошло первое асфальтовое лето в том посёлке среди тайги.

А когда приурадил мороз и грязь словно бы высохла, один чей-то папа взял тачку и поехал к реке... Он привёз гравий, высыпал его перед домом... И снова поехал на реку. И так ездил субботу и воскресенье.

— Ты чего делаешь, пап? — спросил сын.

— Потом увидишь!

А в следующую субботу уже много пап возили речную гальку и сыпали её от дверей своего дома к асфальтовой змейке.

Потом настала долгая зима. Всё забылось под снегом. И даже драгоценный асфальт. Но солнце помнило о сибирских ребятах — весна пришла, и снег растаял... Глина опять налилась водой...

Нет, погоди! Дорожки-то из речной гальки остались! Сухие, хрусткие — ходи сколько хочешь!

На том и конец этой истории...

О первой тачке гравия. И о первом папе, который подумал, что посёлок, где родился его сын, обязательно должен быть красивым...

Насежливые бобры

Художник А. Васильев

К

огда-то бобры в самой чаще леса жили. И к большой воде близко не подходили. А чтобы строить плотину — такого у них и в мыслях не было. Хочешь знать, почему они первую плотину построили? Нужда заставила. Даже не нужда, а самая что ни на есть настоящая беда. И не только для них. Для всех лесных обитателей. В лесу, где жили бобры, население было многочисленное. Здесь и заячьи поселения, и волчьи хутора, и медвежьи поместья. А если считать по деревьям все птичьи домишки, а по кустам и под корнями трав строения шмелей, кузнечиков и других насекомых — если считать всех, никогда не сосчитаешь. Как не считаешь звёзды в небе.

И вот однажды в ветреный день в тот лес влетела сойка. Чужая, не своя. И тараторила она о чём-то совсем непонятном. И так же, как прилетела неизвестно откуда, неизвестно куда и пропала. Лесные жители встревожились. И не напрасно. Скоро в лес хлынуло столько чужаков, что свои среди них затерялись. Но пришельцы не собирались здесь селиться. Они бежали, прыгали, скакали, ползли из последних сил. Так, как будто за ними гнался кто-то очень страшный. А кто может быть одинаково страшен и для клыкастого кабана, и для шуплого муравья?

— Огоны! — отчаянно вопили все. — Огонь гонится за нами. Он никому не даёт пощады.

Ужас охватил обитателей леса. И многие из них, забыв обо всём, также обращались в бегство. Многие, но не все. Остались те, у кого были малые детишки. Куда с ними — огонь то ли придёт, то ли обойдёт, а в такой сутолоке обязательно их задавят. А не задавят, так от голода погибнут. Среди тех, кто остался, были и бобры.

Скоро дымом в лесу запахло. И тогда собрались все оставшиеся на большой поляне, чтобы обсудить, как беду отвести. Глупая стрекоза предложила свой план. Пусть все бабочки поднимутся в воздух и своими крылышками разом прикроют огонь — он и погаснет. Но никто даже слушать её не захотел. Все ждали, что мудрый ворон скажет. Он тоже в лесу остался — старые крылья не могли его далеко нести. «Ручей задержит врага», — крикнул ворон.

И все устремились к лесному ручью. Да и пора уже было. Прорвался огонь в лес через соседнюю рощу. Зашумели деревья, затрещали смолистые ветви сосен. Толпятся лесные жители у ручья. Но тут всё жарче становится. Хорошо ещё тем, у кого одна кожа тонкая, а какого медведю в его меховой шубе? Рывкнул мишка: «Не спасёт нас ручей, перепрыгнет через него огонь!»

И другие поняли: не остановит ручей беспощадного врага. Да уж теперь и бежать было поздно. Ревут медведи от страха, волки воют, твеляют лисицы. И только бобры не растерялись, не поддались панике. Собрались в круг, потолковали о чём-то. Начали деревья, что росли вдоль ручья, зубами подлипать, в ручей сваливать. Скоро запруда крепкая стала. Разлился ручей, будто настоящая река. А тут и огонь выскочил. Он-то до этого не особенно торопился. Знал, что ручей ему не препятствие, перепрыгнет через него одним махом.

Пригнул огонь да как раз в самую середину ручья угодил. Захлебнулся и утонул. Кончился лесной пожар.

Вот с той самой поры и стали бобры селиться у лесных ручьёв и речушек, строить на них плотины.

Смелым и сильным должен быть космонавт.
И знаешь, кто один из помощников космонавта в его работе? Спорт...
Не удивляйся, именно спорт помогает космонавту работать в скафандре,
переносить перегрузки, суметь вовремя преодолеть любую опасность,
которая может встретиться и в полёте, и при возвращении на Землю.
Посмотри на эти фотографии: ты видишь космонавтов не только на тренировках
перед космическим полётом, но и на лыжах, в лодке, на байдарке...
Видишь, как много занимаются разными видами спорта космонавты,
чтобы прийти к своей заветной цели.
Поставь пластинку и послушай рассказ лётчика-космонавта СССР,
дважды Героя Советского Союза Бориса Валентиновича Волинова.

Л. И. Попов на велоэргометре.

Фам Туан и В. Ф. Быковский
на тренажёре «Спартак».

Н. Н. Рукавишников и Георгий Иванов на тренировке.

Зигмунд Йен на прогулке.

А. А. Леонов на теннисном корте.

КОСМОС ПОКОРЯЕТСЯ СИЛЬНЫМ И СМЕЛЫМ

Фото А. МОКЛЕЦОВА
и А. ПУШКАРЕВА

слушай пластинку
1
смотри картинку

Л. И. Попов и В. В. Лебедев
на разминке перед занятиями.

А. А. Леонов и В. Н. Кубасов с тренером.

В. А. Ляхов и В. В. Рюмин на зимней рыбалке.

В. В. Горбатко и Фам Туан на лыжах.

В. В. Рюмин и В. В. Ковалёнок на байдарке.

Песня реки

Зима холодные ковры
Раскинула вокруг.
Накрыли снежные шатры
И лес, и дол, и луг.

Всё спит.
Лишь речка подо льдом поёт:
— Приди, весна!
Не мил холодный зимний дом,
И шуба мне тесна.

Запели в лад ей ручейки
Без усталости, без сна:
— Придите, ясные денки!
И вот опять — весна!

Перевёл с армянского
Леонид Ханбеков

Ранний час

В. ЛАНЦЕТТИ

Я долго спал
И спать устал,
И потому
Я рано встал.
Раньше солнца,
Раньше утра,
Было всё в тумане мутном.
— Эй! — сказал я. — Сонюшка,
Солнышко, проснись...
И в глазах у Солнышка
Лучики зажиглись.
Я сегодня в первый раз
Видел самый ранний час!

Перевод с итальянского
Е. Митина

Добрый ёжик

Александр ПЕТРУХИН

Чижиха собралась за добычей — букашками и таракашками. В гнёздышке, которое находилось на старой высокой ели, оставался её сыночек. Он был ещё совсем маленький, не умел летать. Мать наказала ему:

— Смотри, чижик, не высовывайся из гнезда. Упадёшь на землю — тебя съедят...

— Я буду сидеть тихонечко, — обещал чижик.

Он улёгся на постельку из пёрышек, закрыл глаза, чтобы заснуть. Но не пришлось. До него донёсся шум с земли — пищанье, тараканье.

«Посмотрю-ка одним глазком», — решил чижик. Сказал и сделал. Но ничего не увидел.

А шум продолжался. Чижик не мог себя сдерживать, приподнялся на ножки и... вывалился из гнезда. Хотел было взмахнуть крылышками, ничего не получилось: они были ещё слабенькие. Птенчик больно ударился о землю и стал жалобно звать мать.

На его беду, рядом пробежала лиса. Услышав крики, она остановилась, присмотрелась. И очень обрадовалась. Ещё бы! Нежданно-негаданно завтрак объявился — беспомощный птенчик.

Лиса облизнулась, приготовилась к прыжку на свою жертву. Всё это видел добрый ёжик, который вышел из дома погреться на солнышке. Он хорошо знал чижиху, свою соседку по ели, дружил с нею. Хитрую, коварную лису он не любил. «Не выдай тебе чижика», — сказал ёжик и накрыл птенчика своим телом, выставив иголки.

Хищница, ослеплённая жадностью, не заметила опасности. Она прыгнула, как думала, на чижика, а угодила на острые иголки ёжика. Боль была такая сильная, что лиса закричала не своим голосом на весь лес и бросилась прочь. Бежит — плачет. Навстречу ей медведь.

— Чего, кума, слёзы льёшь?

— Ох, мишенька, — жаловалась лиса, — хотела я было поиграть с чижиком, а он меня уколол иголками. Как здесь я заплакать?

— Иголками? — удивился медведь. — Ты что-то, кума, путаешь. Какие могут быть у чижика иголки? Видно, глаза тебя подвели. Спутала птичку с ёжиком.

Косички

Зачем девчонкам косы?
Я думал с малых лет:
«Чтоб дёргать их!
Всё просто!»
А оказалось — нет.

Косички — дело важное!
Плетёт девчонка каждая
их долго и старательно,
в них ленты обязательно...
Ведь хочется девчонкам,
чтоб все вздыхали громко
о бантах в волосах:
— Красиво как! Ах-ах!..

Мне ж — ни к чему
косички,
заботы о красе:
ведь то, что я красивый,
и так замечет все.

Перевёл с украинского
В. Корчагин

Лиса так и разинула рот: неужели это был ёж?
— Ещё спрашивает! — захохотал медведь. — Вот до чего жадность доводит. В следующий раз будешь осматрительней.

Лиса с досады взмахнула хвостом. Надо же — перепутала птицу с ежом! Стыд-то какой! Теперь над нею все будут насмехаться. И точно! Когда лиса побежала домой, она услышала, как вороны и стрижи кричали ей вслед:

— Лиса-то слепая! Поделом ей. Не будет обижать беззащитных.

А в это время вернулась домой чижиха. Видит — гнездо пустое. Она туда-сюда — сыночка нет. Знать, беда с ним приключилась. Заплакала чижиха. Вдруг слышит голос:

— Соседка, не убивайся. Жив твой сынок, невредим.

Глянула чижиха вниз — и сердце у неё радостно заколотилось. Там, на земле, приподнявшись на слабеньких ножках, стоял её чижик, а рядом с ним — добрый ёжик

Чижиха — к сыну, давай ласкать его, обнимать.

— Вот к чему ведёт непослушание, — говорила она. — Хорошо, что тебя ещё не съели.

— Могли и съесть, — сказал ёжик.

— Как могли? — испугалась чижиха.

— Меня хотела съесть лиса, — объяснил чижик. — А вот добрый ёжик спас меня, исколол лису иголками.

Чижиха бросилась к ёжику.

— Век благодарить тебя буду, сосед. Что бы тебе дать? Может, букашечек хочешь?

Добрый ёжик улыбнулся.

— Никаких букашечек мне не надо. Я уже доволен тем, что спас тебе сына. Мы все, звери и птицы, должны помогать друг другу. А тебе, чижик, совет. Слушайся маму, не обижай её, набирайся ума-разума.

Чижиха подхватила сыночка и полетела в своё гнездышко. Весь день они пели, прославляя дружбу, которая сильнее даже самых страшных хищников. А добрый ёжик грелся на солнышке, улыбался и подпевал своим друзьям.

М. Иванова

Людмила

Пожар
в школе
или
подвиг
в льдах

Дениска и Мишка — герои рассказов советского писателя Виктора Драгунского. Столько невероятных приключений происходит с ними в этих рассказах: то смешные,

то трогательные истории, но всегда неожиданные и непременно добрые.

Виктор Драгунский верил, что даже о самом важном можно рассказать весело. Ведь добрый смех помогает забыть обиду, исправить ошибку или стать лучше.

Вот почему взрослым и детям всегда интересно читать и перечитывать рассказы писателя.

На пластинке ты услышишь один из рассказов Виктора Драгунского о необыкновенных «подвигах» Дениски и Мишки.

слушай пластинку
2
смотри картинку

Как старик деловничал

Русская народная сказка

Один старик всё ругал свою жену.

— Вот,— говорит,— я пашу, у меня работа тяжёлая, а ты дома сидишь, ничего не делаешь.

А она говорит:

— Ну что ж, давай поменяемся — я пахать поеду, а ты дома оставайся, тут дела немного, ты и отдохнёшь.

Так и сделали: она в поле поехала, а старика дома оставила. А дела дала ему совсем мало: хлебы испечь, масло сбить да клушку с цыплятами покараулить. Вот и всё, всего три дела.

Остался старик дома. Хочется ему поскорее все дела переделать. Вот он всех цыплят на одну ниточку к клушке привязал, чтобы коршун не утащил, хлебы замесил, печку истопил, посадил в печку хлебы, а сам сел масло сбивать. Бьёт он масло, услышал — клушка кричит. Он выбежал, видит — понёс коршун всех цыплят вместе с клушкой. Они все на одной ниточке привязаны, ну, коршун всех и потащил. Старик думает: «Он далеко не улетит, ему тяжело, где-нибудь сядет». И вот он пахталку* на спину привязал и побежал за коршуном. Думал так: «Пока я бегую, масло-то и собьётся. Два дела сделаю — и коршуна догоню, и масло собою».

Бегал старик за коршуном, бегал, споткнулся да упал, пахталка разбилась, сметана по земле потекла. И цыплят не отнял и сметану пролил. Вот тебе и два дела! Ну, что же делать? Надо идти домой.

Пришёл старик домой. Надо хлебы вынимать. Заглянул в печку, а хлебы-то в уголь сгорели. Нахозяйничал старик: цыплят у него коршун утащил, сметану пролил, хлебы сгорели. Плохое дело. Жена придёт — что ей сказать? И надумал старик: «Хоть цыплят до неё высижу, поменьше ругаться будет». Положил он яйца в кошелёк, залез в подпечку и сел цыплят высидывать.

Вот приехала старикова жена с поля, стала лошадь выпрягать, сама думает: «Что же старик плохо встречает? Хоть бы лошадь выпряг». Прибрала она лошадь, идёт в избу. Старика нет, а под печкой клушка клохчет. Она поглядела, а там не клушка, а старик. Она его вытащила, стала спрашивать:

— Давай сказывай, что ты дома делал?

Стал старик рассказывать. И тут же старикова жена увидела, что у её старика ничего с домашними делами не получается.

И всё у них пошло, как и прежде: старик пашет, а старуха дома со всеми делами управляется. Только с тех пор перестал старик жену за безделье ругать.

* Пахталка — кадлушка для сбивания масла, маслобойка.

Поспорили как-то раз инструменты в ящике у плотника: кто из них самый главный.

Молоток: Здесь и думать нечего. Я самый главный! Ни один гвоздь без меня не вбит. А сколько я их за свою жизнь вколотил — не счесть. Кого хозяин чаще других берёт в руки? Меня! Посмотрите, какая гладкая у меня ручка. Это от его руки!

Топор: Как бы не так! Ещё неизвестно, кого чаще берут в руки — тебя или меня. Это от меня на ладонях у хозяина такие мозоли. Я самый главный плотницкий инструмент! Недаром говорят: «Топор всему делу голова». Бревно отбесать, обрубить — разве можно без меня? Да и большой гвоздь молотком не вобьёшь — для этого топор нужен. Посмотрите, как меня хозяин наточил — карандаш очинить можно! Что и говорить: какой плотник без топора!

Пила: Ишь, расхвастались! Я тоже без дела не лежу! Лучше отпилить, чем отрубить. Посмотрю, топор, сколько после тебя щепок! Материал нужно беречь! То ли дело я! Бревно ли распилить, или от доски отпилить нужный кусок, или кубиков для ребят нарезать — тут без меня не обойтись. И остра я — будь осторожен! Так что, сами посудите, кто из нас главный?

Рубанок: После вас заноз насажашь! Вы все — для грубой работы. А если нужно, чтобы было и ровно, и чисто, и гладко — как говорится, без сучка, без задоринки, — мастер ко мне обращается. Подструганя, подровнятя, пригладить — вот моё дело. После меня — хоть языком лижи. А какая кудрявая, весёлая стружка из-под меня выходит! Я, может, и не самый главный, но зато самый весёлый у плотника инструмент!

Стасемски: Мы, конечно, инструменты мелкие. Куда нам с топором да с пилой тягаться! Но за кем ещё мастер так ухаживает? Кого так старательно натачивает? А почему? Потому, что мы ему особенно дороги. Как без нас вставишь замок? Чем выдолбишь под него паз? А всякие другие дырки, отверстия? Не топором же! Значит, мы тоже важные и нужные!

Дрель: А я? Уж если нужно просверлить дырку — аккуратную, круглую дырочку — никакие стамески не помогут. Здесь нужна я, дрель.

Клеши: А если гвоздь погнётся? Или не там вбит? Бывает ведь, что и мастер ошибается. Как тогда гвоздь вытащить? Вот тут-то и берутся за нас. И тянут гвоздь с нашей помощью.

Складной метр: И всё-таки самый главный инструмент — это я! Мною всё меряется: где отрубить, как отпилить, в каком месте сделать паз — всё это можно узнать только с моей помощью. Без меня получится сущая ерунда. Недаром говорят: «Семь раз отмерь, один раз отрежь». Вы согласны?

Ящик для инструментов: А ящик? Разве я не нужен? Я, можно сказать, за порядком слежу. Без меня вас не соберёшь—разбредётесь кто куда.

Спорили, спорили инструменты, никак не могли решить, кто же из них главный. Но тут появился мастер-плотник и помирил всех: «Будет вам спорить! Каждый мне дорог и каждый в своё время нужен!»

Великий мастер музыки

Мастер, как обычно, по утрам сидел за свой письменный стол. Что поделат? Привычка. Но работать не было сил.

Он старик, и с этим теперь надо жить, жить без музыки. Его дом стал молчалив, как молчалива и пустыня немощная, поросшая травой улочка за окном дома на окраине Вены, австрийской столицы.

У него теперь вдоволь свободного времени. Музыка, долгожданная гостья, всё реже навещает его. Может быть, потому, что порой безуспешно стучится в его сердце. Мастер теперь весь в воспоминаниях. Он беседует сам с собой, с маленьким Йозефом, каким он был семьдесят лет назад.

— Вон, видишь, улица? Такая же пыльная, с травой и репейниками...

— Ага,— вторит маленький Йозеф,— совсем как у нас в деревне, только что курицы не ходят.

— Славный наш Рорау. Помнишь наш дом? Длинный, глиняный, под соломенной крышей! А каретный сарай? Ты любил забираться на козлы карет, а Матиус всё грозил тебя высечь. Ха-ха-ха... Ты мешал ему мастерить эти кареты.

— Его-то я не боялся! Он меня и пальцем не тронул.

Зато как славно я ездил! Сколько стран повидал, сколько городов...

— Хи-хи... Не выезжая из каретного сарая! Ну и фантазёр ты, проказник Йозеф! Впрочем, у тебя были шутки и почище. Помнишь свои деревушки?

— Ну-ну, ты поаккуратней—это ведь была музыка. Одна деревушка была моей скрипкой, другая—смычком.

— И ты совсем неплохо подыгрывал папе Матиусу с его арфой и матушке Анне Марии, что пела тебе песенки. Помнишь?

— Как не помнить,— важно вторил Йозеф-маленький Мастеру Йозефу.— Я здорово наловчился играть, так здорово, что скороости пришлось мне уехать от матушки и Матиуса в чужой город, учиться.

— Хочешь стать музыкантом, многое надо вытерпеть. А когда тебе всего шесть годков от роду, ох, как нелегко жить среди чужих! Небось, и тумачков получал вволю?

— Да уж больше, чем лаковых кусочков. Да кто их считал! Зато у меня было целых два тимпана! Каждый издавал по одному звуку, а вместе их уже было два. Два звука—это уже музыка. Потом я получил совсем настоящую скрипочку, такую, как в оркестре, и научился быстро на ней играть, а мне надо было ещё научиться и на клавишине, и на...

— Но ты недурно и пел. Помнишь, сколько набивалось в церковь народу, когда ты пел? Почитай, вся округа сбегалась... А на праздники—помнишь?—ты колотил в литавру, привязанную к спине горбуна, и еле поспевал за ним, когда вы шли по улицам. То-то потешались уличные зеваки!

— Вот уж ничего в этом смешного не вижу. Играть на литавре—важное дело. Какое же шествие без литавры? Вот то-то!

— Да,—вздохнул, вытирая слёзы смеха, старый Мастер Йозеф Гайдн,—дело, конечно, важное. И как только у тебя на всё хватало времени?

— Зевать не приходилось. Мальчишки из капеллы дразнились, бывало: «Слуга Музыки, слуга Музыки, перепиши ноты, натри канифолью смычки, настрой литавры». И так целый день—начисть, натри, настрой, перепиши. А я и не жалуюсь, я даже рад, пусть себе бегают, а я поиграю...

— А знаешь, я тебе очень благодарен, мой маленький Йозеф,—уже совсем серьёзно сказал старый Мастер,—ведь если бы ты тогда не был так охоч к музыке, если б не отдавал ей по шестнадцать часов каждый день, разве потом я смог бы столько всего написать? Шутка ли, более ста симфоний, десятки концертов, квартетов, ораторий, опер, кантат. Кто ещё из музыкантов столько успел? Ох, нелегко это было.

И тут улыбнулся Йозеф-маленький:

— Не хитри, старый. Ведь признайся, сам получал от этого удовольствие. А подшутить как любил: то курица в музыке кудахчет, то медведь рычит, то жаворонки поют, то гроза и буря бушуют, то солнце светит и ручей журчит, то я на деревушках пиликаю, а отец и сельчане отплясывают... А то просто рассказывал о том, как хорошо жить на свете! Что б ты делал без музыки? Зачах бы! Ты всю жизнь жь без неё не мог ни минуты. И не жалуюсь!

— Ох, верно!—Он от души рассмеялся.—Я радовался, когда писал. Как хотелось бы, чтоб другие, слушающая мою музыку, были так же счастливы.

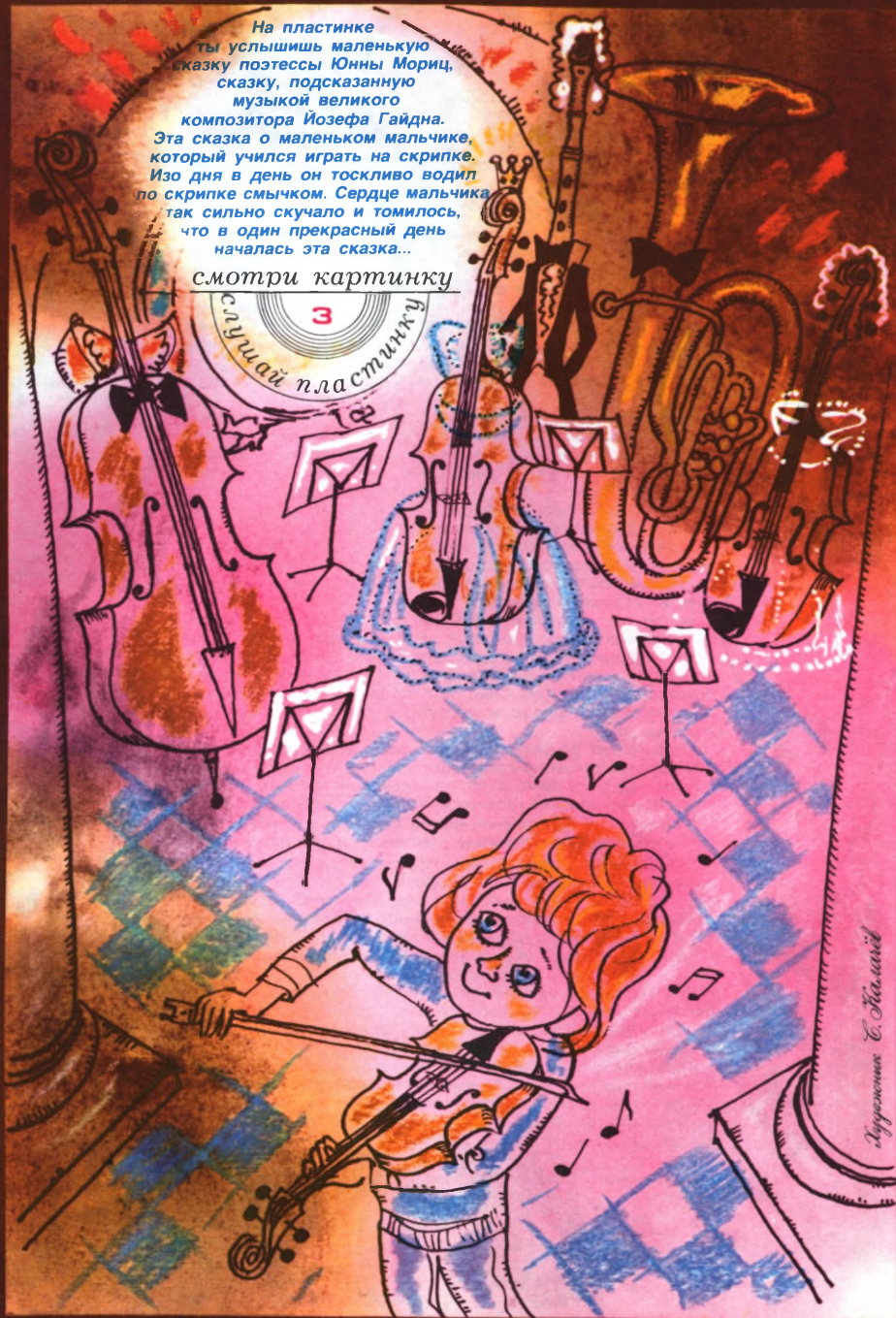

На пластинке
ты услышишь маленькую
сказку поэтессы Юнны Мориц,
сказку, под сказанную
музыкой великого
композитора Йозефа Гайдна.
Эта сказка о маленьком мальчике,
который учился играть на скрипке.
Изо дня в день он тоскливо водил
по скрипке смычком. Сердце мальчика
так сильно скучало и томилось,
что в один прекрасный день
началась эта сказка...

смотри картинку

слушай
3
пластинку

Людмила С. Малицкая

Киеву-
1500 лет

Александр ПАРХОМЕНКО

Равне можно тебя не любить!..

На древних приднепровских холмах раскинулся древний город. Издавна очаровывал он каждого, чьим глазам открывалась его краса. Давным-давно приплыл сюда на острогрудой ладье из Новгорода князь Олег, взойшёл на крутой берег и предрёк киевской земле стать «матерью городам русским». Так оно и вышло: объединились вокруг Киева племена и народы в одну великую Русь. Её друзья из ближних и дальних земель восторжались Киевом, несли по белу свету его добрую славу, а недруги зарились на его богатства, норовили разорить его и опустошить.

Невесть откуда налетел когда-то на Киев многоголовый огнедышащий змей. Скорбь нависла над городом. Но не русская ли земля славится издавна богатырями! Вышел против змея Кирило Кожмяка, в тяжком поединке сънёс все змеиние головы, тем и спас город... А нам от той поры, кроме предания, осталась ещё под Старокиевской горою и Кожмяцкая улица, на которой жили в давние времена ремесленники-кожмяки.

Змеи-враги приходили в разных обличьях: то—орды Батыевой, то—соседей-завоевателей, то—белогвардейских банд, то—фашистских полчищ и были куда более жестокими, чем змей из старинной легенды...

До сих пор сохранились в Киеве остатки древней постройки—знаменитых Золотых ворот... Рассказывают: когда подступила к городу татарская орда хана Батая, выскочил на улицу неизвестный ратник. Кого в руке держал, а щит забыл дома. Возвращаться некогда! Снял он с петель ступоводную створку Золотых ворот—она-то и послужила ему боевым щитом в яростной сече.

...Что ни шаг по улицам и площадям—всюду история...

Кирпичные стены прославленного завода «Арсенал» изрыты пулями: здесь в боях с белогвардейцами насмерть стояли рабочие, и остались на теле героического завода боевые шрамы.

А неподалёку, над зелёной кручей, взметнулся в небо острый, как штык, обелиск—памятник Неизвестному солдату. К нему ведёт широкая аллея. По обе стороны её спят вечным сном герои, освобождавшие Киев от фашистов.

На одном из самых высоких и самых живописных киевских холмов за десятки километров открывается взору величественная и строгая скульптура—Мать-Родина!.. Идут сюда взрослые и дети, не иссякает живой поток. Неугасимо пылает Вечный огонь—не угаснет в людских сердцах память о подвиге героев.

Сколько раз поднимался старинный город из руин! И становился ещё лучше, чем был прежде. Отстроился Киев после войны, обновился, помолодел; разрослась и расцвела, засветилась жилищами, засияла дворцами столица Украины—и вся словно потонула в тополиной и каштановой зелени.

В этом году Киев—именинник: ему тысяча пятьсот лет. Не так уж много на свете городов, которые могли бы похвастаться таким возрастом. И нет для него награды дороже, чем Золотая звезда города-героя на его знамени.

Перевёл с украинского
В Корчагин

РАССКАЗЫ О ХУДОЖНИКАХ

Много замечательных картин написал Василий Григорьевич Перов — большой русский художник. Некоторые из вас, может быть, видели его картины «Охотники на привале», «Рыболов», «Тройка». Как не запомнить потом сидящих у вечернего костра товарищей по охоте: один, забыв обо всём, рассказывает только что выдуманную им историю, друзья, лукаво переглядываясь, слушают...

А рыболов не может оторвать глаз от поплавка. Вот-вот клюнет долгожданная рыбка...

«Тройка» — картина печальная: три малыша с трудом тащат по утреннему морозу санки с громадной обледевшей бочкой — везут хозяину воду из проруби. А рядом заливается лаем Жучка...

Каждый художник рисует то, что осталось в памяти, что видел в детстве сам...

Как интересно ловить певчих птиц! И как трудно! Ведь надо знать их повадки, уметь подражать их пению. Вы думаете, этот старый птицелов просто отдыхает, лёжа на траве? Вспомните-ка: у него тоненькая дудочка, играя на ней, он подражает пению птицы, приманивает её, ловит и сажает в клетку, а мальчик, внук старика, внимательно смотрит, что делает дедушка. Он тоже хочет стать птицеловом.

Попадали эти птицы к хорошим людям; они кормили их, оберегали, радовались их пению, а когда приходила пора — выпускали на волю.

Всё это было хорошо знакомо художнику В. Г. Перову. Родился он в деревне. Умел и птиц ловить, и рыбачить. Даже на охоту ходил с ружьём. И ещё очень любил рисовать, так любил, что отдал его в художественную школу в городе Арзамасе, а потом поехал Василий учиться живописи в Москву...

Д. НОРИН

В. Г. Перов
(1833-1882 г.г.)

«ПТИЦЕЛОВ»

«РЫБОЛОВ»

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ДЕТСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ «КРУГОЗОР»

© ИЗДАТЕЛЬ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СССР ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ И
РАДИОВЕЩАНИЮ 1982 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Художник **О. А. Кознов**
Технический редактор **И. А. Кузьмина**
На 1-й обложке рисунок
художника **И. Урманче**

слушайте
на пластинках:

КОСМОНАВТ
Б. В. ВОЛЫНОВ

Беседа
с **Б. В. Волевым**
ведёт
Л. Балакирева

Инсценировка
Л. Зеккошанской
Исполняют
артисты
московских
театров

РАССКАЗ
В. ДРАГУНСКОГО

МУЗЫКА ГАЙДНА

Музыкальную
сказку
исполняют
артисты
московских
театров

Исполняют
детские хоры
Режиссёр
И. Мироненко

ЖИЛА-БЫЛА
ПЕСЕНКА

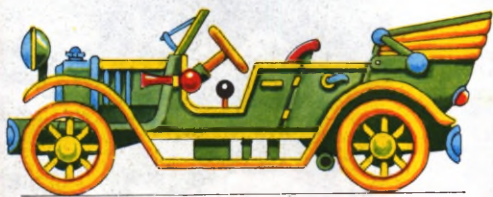
Адрес редакции:
113326, Москва, Пятницкая, 25.
Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и ГДРЗ.
Сдано в набор 03.02.82
Подписано к печати 16.02.82
Формат 60×84 1/8. Offsetная печать.
Усл. п. л. 1,87. Уч.-изд. п. 2,60. Усл. кр.-отт. 9,83
Тираж 250000 экз. Заказ 2018.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24
Цена 65 копеек.

На первый взгляд эти самолётики похожи
друг на друга. Но на самом деле среди них
только две одинаковые модели. Найди их:

Загадки художника

Определи десять различий между этими машинами.

Загадки И. Урманче

Бычок

Где ударился, бычок?
Расскажи!
Вот холодный пяточок,
Приложи!

Бестолковые мальчишки!
Это же совсем не шишки.
У меня с четверга
Прорезаются рога!

А. ШЕВЧЕНКО

Рисунки художника Я. Тамсаара к книге «ЗЕРНО МОЛОДОСТИ».

